

Игер Кау

ПЕСОК
И ПЕПЕЛ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К30

Серия «Попаданец»
Выпуск 67

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Кау, Игер
К30 Аларийский цикл: Песок и пепел: роман / Игер Кау.
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 416 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-115989-4

Ты проснулся на берегу лесного озера в безлюдных предгорьях, без крыши над головой, а песок, на котором ты лежишь, больше похож на пепел.

Хорошо бы знать, как тебя зовут, как сюда попал и чего ради. Но первый шаг почти сразу дает попутчиков, а заодно и их проблемы, ставящие на грань выживания. Но у тебя просыпается магия, есть руки, способные держать оружие.

Путь предстоит не близкий. Главное, чтобы не оборвался внезапно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-115989-4

© Игер Кау, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть 1

НЕ СТРОГО, НО ВСЕ ЖЕ НА ЮГ

*Все дороги где-то начинаются.
И где-то заканчиваются.
И самое интересное
обычно где-то посередине...*

Тепло. Едва ощутимое прикосновение легкого ветерка. Запах травы и хвои. Негромкое стрекотание насекомых. Нет ощущения опасности. Ничего не болит. Вот бы так всегда просыпаться. Бывает же... Нет, так не бывает. Или бывает? В чем подвох?

Шевельнув пальцами, ощущаю вместо ожидаемой простыни... песок. Где я?! Открываю глаза, все поле зрения заполняет затянутое облаками небо. Солнце прячется за тучами, но дождя явно не ожидается. Опускаю взгляд, одновременно пытаюсь сесть, и... вижу озеро. Большое — деревья на противоположном берегу кажутся невысоким кустарником, дальний край по правую руку и вовсе едва различим, да и по левую не близок, хотя виден лучше. Вокруг лес сплошной темной стеной. Только в одном месте на той стороне в этой стене виднеется прогал, открывающий вид на пологий подъем, за гребнем которого просматривается долина, где-то совсем уж вдалеке упирающаяся в какие-то горы. И сижу я действительно на песке. Странно, несмотря на близость к воде — не больше трех десятков шагов — песок сухой. Совершенно сухой, мелкий, липнет к пальцам, но тут же легко стряхивается. Да и проснулся я не от холода. Станный, к слову, песок. Цветом больше похожий на пепел.

Так... Одежда и обувь на мне как раз для ходьбы по таким лесам. Долгой ходьбы. Хорошо. Но что это за лес? То есть, где это я и что здесь делаю?

И тут меня словно подбрасывает — а зовут-то меня как? Кто я такой? Нет ответа. Я не помню, кто я!

Руки сами принимаются обшаривать карманы. Но в них нет ничего необычного, а главное — ничего, что могло бы прояснить первостепенный для меня вопрос. Ладно, а что есть?

Россыпь монет в карманах, чтобы не вытаскивать перед каждым кошелек... И сам кошелек, кожаный, набитый монетами настолько туго, что они даже не пытаются звенеть. Откуда-то всплывает, что для одинокого путника это вполне приличная сумма. Хватит, чтобы месяц-другой ночевать и хотя бы ужинать в придорожных гостиницах — по крайней мере, в той стране, в которой эти монеты в ходу и чей герб украшает их слегка потертые аверсы. Хотя пока не факт, что я нахожусь на ее территории.

Что еще? Складной нож довольно хитрой конструкции, вмещающей несколько лезвий разной длины и формы, двузубую вилку и штопор. Примитивное, но вполне надежное приспособление для добывания огня. Записная книжка, в потертой кожаной обложке, внутри которой рядом с блоком листов закреплен в удобных петлях остро заточенный карандаш. Страницы чистые и гладкие, на них явно никто ничего не писал. Карандашом тоже не пользовались. После затачивания, во всяком случае.

Разобравшись с карманами, заглядываю в мешок, заменявший мне подушку перед самым пробуждением. Еще один нож, но совсем другой, большой и массивный, хорошо сбалансированный, с удобной рукояткой, широким лезвием длиной в пятнадцать пальцев, в кожаных ножнах — мечта воина и охотника, а не кулинара. Две одинаковые фляжки — в одной чистый спирт, явно пред-

назначенный не для употребления внутрь, в другой тоже не вода, а весьма качественный коньяк. Весь остальной объем мешка заполняют свертки и пакеты. В них разные нужные мелочи, лекарства, смена белья, несколько теплых вещей, даже кожаный плащ — тонкий, легкий, но очень прочный и в сложенном виде занимающий очень мало места. Нашлась и еда. Три одинаковых свертка. В том, который я распечатал, нашлись сухари, сушеные фрукты, орехи, завернутые в бумагу четыре куса пресованного сахара, а еще крепко запечатанный керамический цилиндр. Наверное, с чем-то готовым.

Все самое необходимое. По крайней мере, то, что можно унести.

И ни одна вещь не несет на себе клейма или хоть какой-нибудь надписи. Документов тоже никаких.

Увесистый кожаный футляр на самом дне мешка озадачивает меня еще больше. Внутри него снова монеты, но исключительно золотые и серебряные, причем уложенные в два слоя аккуратно завернутыми в пергамент столбиками. И они явно предназначались не на дорожные расходы — их вполне хватит на приличный дом на окраине крупного города и несколько лет не слишком бурной жизни. В нижнем слое прячется похожий на эти столбики мешочек, сшитый из странного материала черного цвета. Внутри него тоже монеты — но совершенно не похожие на обнаруженные прежде. И друг от друга они отличаются еще больше — двух одинаковых в мешочке не нашлось. Коллекция, что ли? И ведь почему-то нет сомнений, что это мои монеты, хотя не помню, откуда они у меня.

Мысли перескакивают к другой непонятке. Одежда-то без малейших признаков сырости. То есть, я провел на этом песке не больше часа, судя по свежести ветерка. Но вокруг меня даже намек на следы нет. А ведь туда, где песок переходит в траву и кусты, и в три приема не допрыгнуть. Со стороны воды он выглядит таким же

нетронутым. Нет, понятно, что на сухом песке не будет четких отпечатков обуви, звериных лап или чего еще, но... Не по воздуху же я сюда попал.

Признаков человеческого присутствия нет. Еды в мешке от силы на неделю, а на одной рыбе — при условии, что она в озере есть, причем не пуганая, потому что никаких снастей у меня не имеется — долго не протянуть. И если сейчас начало лета, на что очень похоже, то в лесу может не быть ни ягод, ни грибов. На местное зверье рассчитывать тоже не стоит — еще неизвестно, кто на кого будет охотиться.

В общем, оставаться здесь смысла никакого. Но куда идти? Я смотрю на разрыв в высокой стене деревьев на другом берегу. Ответ напрашивается сам собой.

Через десяток шагов песок под ногами неуловимо меняется. Цвет тот же, влажность тоже, но вот плотность резко возросла. Словно до этого и правда по пеплу шел. Делаю шаг назад — нет, не показалось. Ладно, это не повод менять планы. Здесь мне в любом случае делать нечего.

Путь в обход озера долг, к прогалу выхожу уже в сумерках. Пристанищем на ночь становится старое дерево, ствол которого имеет удобную развилку на высоте в три человеческих роста. Крупный хищник, если тут есть такие, туда не доберется, а с мелочью как-нибудь договоримся.

Закрыв глаза, слушаю шорохи ночного леса. Мысли слегка путаются — слишком много пробелов в доставшейся мне картине мира.

Лицо, отразившееся в озерной воде, не вызвало у меня бурной реакции — просто где-то в глубине сознания что-то щелкнуло: ага, вот, значит, как я выгляжу. Как-то сразу признал это лицо своим. Более того, мне понравился мой нынешний облик.

Лицо... не сказать, чтоб с идеально правильными чертами, но все же почти лишенное деталей, которые

обычно бросаются в глаза. Никаких шрамов, бородавок, татуировок, разноцветных глаз, сросшихся на переносице кустистых бровей, выпирающих скул, сломанного или просто слишком крупного носа или квадратной массивной челюсти... Такое и не запомнишь, если среди прочих на глаза попадет. Особенно если этими самыми глазами не встречаться. Не то чтобы некрасивое или бесцветное, а именно «запоминающееся с трудом». Рост, пожалуй, все-таки выше среднего. Не хлипкий паренек, способный без труда сойти за девочку. Не пуган, которому проще катиться, чем идти. Не перекачанный атлет с ярмарки, тупой и неповоротливый. Пожалуй, охотник... или наемник. Во всяком случае, явно не угодивший под внезапную мобилизацию крестьянин или горожанин. Для такого образа в выражении лица чего-то не хватало. Скорее, беглый аристократ. Почему беглый? Потому что не беглые так не одеваются... Да и просыпаются обычно в более комфортных условиях, даже если не могут вспомнить, что было накануне. А для скотовода или ремесленника в моей голове теснилось слишком много вопросов. Опять же, денег у меня пока что больше, чем у среднего мастера ювелирного цеха. И уж точно не монах или приверженец какого-нибудь культа — за все это время никаких богов я ни разу не вспомнил, ни добрым словом, ни плохим. Возраст моего отражения тоже пришелся мне по душе. Не безусый юнец, но все же слишком молодой, чтобы нянчиться с внуками. Где-то около тридцати, пожалуй. Усов и бороды не наблюдалось — лишь легкая щетина, которая вряд ли успела преодолеть рубеж одних суток. Что служило лишним подтверждением того, что у озера я оказался именно сегодня. Кожа смуглая, но исключительно благодаря загару. Короткая стрижка. Волосы светлые, но все же среди них хорошо заметны седые нити. И сесть я начал задолго до потери памяти. Определенно.

Вдруг в замедляющемся хороводе мыслей мелькает одна, заставляя меня замереть — я вспоминал назначение вещей в мешке, увидев их. Пока его не развязал — даже не помнил, что они там есть... Что же надо сделать, чтобы вспомнить хотя бы имя, если не все, что стерлось? Но вместо ответа приходит сон.

Проснулся рано. Убедившись, что никакие личности — даже подозрительные — в округе не болтаются, спустился на землю. Дождался, когда солнце поднимется повыше и сойдет роса, вышел к прогалу и двинулся прочь от озера, вверх по очень пологому склону. Наверное, двигаться по лесу было бы проще — там, похоже, никогда не ступала нога лесоруба, и на земле лежало лишь толстое одеяло из перегнивших листьев и иглицы, да изредка попадались кустарники и упавшие стволы деревьев. То есть не было тех непроходимых джунглей, которые обычно окружают места, к которым человек приложил свою руку. Но лесной полумрак плохо действовал мне на нервы, уж не знаю чем. Заблудиться боюсь, что ли? Короче, открытое пространство мне больше по нутру.

По-прежнему никого не видно, но оно и к лучшему. Кто знает, не в обычае ли у местного населения носить с собой оружие и хвататься за него без лишних разговоров. Если оно тут есть, это самое население.

Ближе к полудню на вершине подъема открывается следующий фрагмент головоломки — за гребнем склон оказывается заметно круче. А внизу прогал обрывается — там меня ждет все та же лесная бесконечность. При чем подножие склона настолько далеко, что вершины деревьев, растущих там, я не мог видеть, пока не оказался на гребне. Все же идти надо в прежнем направлении — впереди виднеется следующий разрыв в лесном море, и он не настолько далек, чтобы от него отмахнуться. Пожалуй, через пару часов можно было бы туда дойти, если

бы... Если бы не этот поганый кустарник, покрывающий и склон, и его подножие. Более высокий, чем попадавшийся прежде, листья темнее и другой формы, вдобавок ветки жесткие и закрученные, а главное — среди листьев торчат длинные колючки. И разрыва в этом безобразии не видно. А ножом проход не прорубить, тут нужен инструмент посерьезнее. Обойти через лес? Но заросли сливаются с чащей по обе стороны, теряясь где-то в полумраке между деревьями. Чего доброго, окажется, что они тянутся вокруг озера без разрыва. А проверять это мне не хочется.

Оглядываюсь назад. За озером леса тянутся сплошным темным одеялом до самого горизонта, линия которого изломана горной грядой довольно мрачного вида. Похоже, в ту сторону и в самом деле не стоило идти.

Но не стоять же здесь весь день в надежде, что кусты расступятся сами. Ладно, говорю себе, не стена все-таки.

Кусты не освобождают мне дорогу, но и задержать не пытаются. Только скользят по бокам с недовольным шелестом, норовя зацепиться за одежду или ударить по глазам. К счастью, это южный склон, и ветви кустарника вытянуты в основном от меня, а не навстречу — вот в обратном направлении вряд ли так легко удалось бы пройти. Впрочем, в мои планы это и не входит.

В густой листве я вижу ненамного дальше собственного носа, так что колючие заросли кончаются как-то уж очень внезапно. Одно движение — и я оказываюсь на краю леса, словно и не было этой преграды.

Отойдя подальше, оглядываюсь. Надо же... Теперь пейзаж производит еще более отталкивающее впечатление — кажется, что это не склон холма, довольно пологий и всего лишь поросший густым кустарником, а почти отвесная каменная стена, кое-где поросшая мхом. Любопытный обман зрения. Путь к озеру тут решился бы искать только тот, кто знает о нем.

Найти бы до темноты что-нибудь вроде охотничьей избушки. Чтобы и с припасами, и без жильцов...

Впереди вдруг намечается что-то похожее на просвет. Как-то очень уж далеко в стороны уходит. Пресека? Невольно прибавляю шаг. Заросли внезапно расступаются, и я едва успеваю остановиться на краю глубокой — почти в мой рост — и широкой канавы. По счастью, сухой. Канавы, по другую сторону которой лежит дорога. Шириной канаве под стать — от края до края не меньше десятка полных шагов. По другую сторону еще одна канава, тоже сухая.

Похоже на магистральный тракт. Уж точно не времянка, ведущая к месту лесозаготовок. Под ногами — вроде бы грунт, но ровный, укатанный и утрамбованный до каменной твердости. Даже колеса тяжело груженных повозок не оставили на нем следов. Зато опавших листьев и нанесенной ветром с обочин пыли предостаточно. Словно несколько лет здесь никто не ходил и не ездил. А может, и не лет...

По левую руку тракт круто заворачивает к югу — куда я и так шел. По правую — наоборот, плавно рисует загиб к северу. И это направление мне нравится гораздо меньше. Прежде всего, тем, что вполне может вернуть меня туда, откуда я вышел вчера.

Похоже, расстояние между поселениями, превышающее дневной переход, здесь обычное явление — признаков жилья по-прежнему никаких. Впрочем, то, что тракт не выглядит ухоженным, еще ни о чем не говорит.

Гадая, куда же повернуть, замечаю потемневший от времени деревянный столб, почти незаметный на фоне леса. Стоит в той стороне, которая мне не нравится, да еще и в доброй сотне шагов от меня. Зато на нем виднеются стрелки указателей, на которых что-то написано. Надо бы глянуть — что.

Увы, от той, что смотрела на меня, остался лишь измочаленный огрызок. Надпись погибла безвозвратно.

Другой стрелке повезло больше — и сама уцелела, и на ней четко читалось «Сонейта» и «32». Очевидно, название какого-то поселения и расстояние до него.

Прояснилось и кое-что еще. Буквы те же, что и на деньгах, а главное — герб, скрепляющий стрелки на столбе, присутствует на всех монетах в моем кошельке, где аверс не занят портретом чеканившего их властителя. То есть вокруг, куда ни повернись — Аларийская империя. Тогда цифры означают расстояние в тигах. Если исходить из средней скорости ходьбы в две тиги в час, то, в принципе, можно дойти и за день. Если выйти на рассвете, отдохнувшим, сытым и налегке. Но полдень миновал, еще когда я был на гребне, а ночью через незнакомый лес даже по такой дороге идти не стоит. Так что, скорее всего, выйду к Сонейте завтра ближе к вечеру. Или послезавтра к обеду. Ладно. Хоть какая-то определенность.

Тракт, оправдывая мои подозрения, меньше чем через тигу начинает еще сильнее забирать к северу. Вскоре в шелесте деревьев прорезывается какой-то неясный шум. Похоже, близко река.

Лес расступается как-то внезапно, тракт выкатывается на берег широкого и глубокого оврага, вбегает на старый мост, сложенный из грубо отесанных камней, перелетает на другой берег и снова ныряет в чащу. Вот только я не могу последовать его примеру, разве что проделать эту часть пути по воздуху.

Средняя треть моста отсутствует полностью.

Подхожу к краю провала и смотрю вниз. Похоже, обломки моста образовали там что-то вроде плотины, вода льется через ее верхний край, отчего маленькая речушка и шумит так громко. Я смотрю на ее веселое буйство и понимаю, что придется возвращаться. Провал слишком широк — не перепрыгнуть и даже мешок не перебросить. Ни топора с пилой, ни снаряжения для лазания по скалам у меня нет. Самый простой способ

попасть на тот берег, не покалечившись — это вернуться и обойти озеро, поскольку речушка, скорее всего, в него и впадает. Потратить, самое меньшее, еще два дня, а то и три... Это если не лезть в воду. Можно ведь пройти вдоль оврага в сторону озера или наоборот, прочь от него, и поискать место, хоть немного пригодное для переправы. На это, возможно, уйдет меньше времени. Хотя если придется топтать до самого устья... Нет. Вся ценность этого пути была в том, что он выглядел более коротким или хотя бы определенным. Сейчас он таким уже не казался.

Начинаю поворачиваться, чтобы двинуться прочь, как вдруг чувствую... взгляд? Нет, не взгляд. Ощущение такое, что до черепа изнутри дотронулись чьи-то ледяные пальцы. По-прежнему никого не видно, но инстинктам лучше доверять. Ощущение холода пропадает, едва я, сиганув в сторону, распластываюсь за большим валуном. Меня хотят отогнать от моста или временно потеряли из виду? Хорошо, если первое. Переживу. Как говорится, не очень-то и хотелось. А если второе?

Я не жду, пока эта жуть снова дотянется до моего черепа. И ползу прочь от обрыва, стараясь не поднимать головы и попутно отгоняя острое желание бросить увесистый мешок вместе со всем его содержимым. А когда мост исчезает из виду даже в просветах между деревьями, выбираюсь на дорогу и устремляюсь прочь. Устав бежать, перехожу на шаг. Заметив злополучный столб, достаю нож. Перечеркиваю цифры, кое-как доцарапываю снизу «дороги нет». И снова иду, стараясь не думать о том, с чем столкнулся у моста. И вообще ни о чем не думать.

Наконец тракт выползает из лесу на то дикое поле, что я видел с гребня, но меня отпускает, только когда солнце начинает пробовать на вкус вершины деревьев. Чувствую, как гудят ноги и как взмокла спина. И все так же никто меня не догоняет и не идет навстречу.

Впрочем, откуда быть оживленному движению на дороге, ведущей в тупик. Да еще в такой тупик... Наверное, и по ту сторону моста то же самое. До самой Сонейты, если не дальше. Кто знает, почему эта жуть не стала меня преследовать. Может, просто не голодна...

Солнце скрывается за лесом, моим пристанищем на этот раз становится дерево на опушке, расколотое молнией — половинка ствола переломилась на высоте в два моих роста и рухнула, застряв в кронах других деревьев. Причем сердцевина устояла, так что отколовшаяся часть похожа на желоб. Идеальное лежбище — из такого случайно не вывалишься. Забираюсь, устраиваюсь и почти сразу засыпаю.

На рассвете меня будит птица, разорвавшаяся где-то неподалеку. Тело настойчиво требует отдыха, глаза слипаются, но необъяснимое желание убраться от озера по дальше оказывается сильнее.

Тракт упорно ползет на юг, облака — туда, куда их гонит ветер.

Ближе к вечеру впереди снова обозначается река — может быть, даже та же самая. Мост тоже похож — из таких же поросших мхом грубых каменных блоков. Только целый. Оглядываю окрестности. Странно. Один лишь мост. Ни деревни, ни хутора, ни постоянного двора, ни даже будки стражника или сборщика какой-нибудь подати за пользование мостом — а ведь место вроде неплохое. Неистощенная земля. Река. Лес. Да еще и проезжие не должны жадничать, оплачивая ночлег — на многие тиги вокруг никаких других поселений нет. Вот только что-то мешает людям здесь осесть... Неужели та жуть способна дотягиваться и сюда?

У реки останавливаюсь надолго — пыли и пота на мне предостаточно, помыться очень даже стоит. Заодно наполняю водой опустевшую фляжку — на всякий случай.

Тракт поднимается из речной долины и ползет, словно змея, сквозь густые заросли. Я вспоминаю, как тракт